



Александр Режабек

**Бог, который исчез,**  
*или*  
**"MADE IN ∞"**

18+

Александр Режабек

**Бог, который исчез, или Made in  $\infty$**

«Автор»

2012

## **Режабек А. Е.**

Бог, который исчез, или Made in ∞ / А. Е. Режабек — «Автор», 2012

«И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их». Так сказано в Библии. Случилось это в шестой день творения. Больше об этой истории мы практически не знаем ничего. Какой же замысел был у Создателя? Что (или кто) сподобило его на это деяние? Что за идея?.. Да и сведения о первомужчине и первоженщине, дошедшие до нас, тоже крайне скудны. Как складывались их взаимоотношения? Ведь именно они определили на все бесконечное будущее сущность человеческой природы. О, это был трогательный и неистовый, простодушный и жестокосердный роман. Первые его драматичные страницы – в этой книге.

© Режабек А. Е., 2012

© Автор, 2012

# Содержание

I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	18

*Есть только миг  
между прошлым и будущим...*  
*Леонид ДЕРБЕНЕВ*

## I

Самаил подошел к понуро сидевшему Яхве.

– Что такой грустный, Хова? – дружески спросил он.

Яхве неопределенно пожал плечами.

– Да брось ты переживать, – продолжал Самаил. – Ты же изначально знал, что Лилит тебя не любит и только вертит тобой, как хочет. Все-таки она на несколько тысяч лет тебя старше и опыта в обращении с такими, как ты, ей не занимать. А у тебя, если задуматься, впереди целая вечность, чтобы подождать, пока эта ветреница не сменит гнев на милость. А пока плюнь. Найди другую, или придумай что-нибудь. А еще лучше трансформируйся. Побудь какой-нибудь планетой, а вернее – звездой. Покипи настоящим пламенем и сожги в золу свои сегодняшние страсти.

– Я еще недостаточно долго существую в этом лике, чтобы сжигать в звездном огне свою боль. Это удел слабых, – раздраженно ответил Яхве. – Меня только удивляет, что мы считаем себя всеильными, а до сих пор не в состоянии разбираться даже в собственных отношениях.

– Всесилие вовсе не подразумевает всевластие, – не совсем понятно сказал Самаил. – И другие вечные ни тебе, ни мне не подвластны. А потом, если бы на протяжении всего своего бесконечного существования ты хотя бы в чем-то не почувствовал своего бессилия, то наверняка навсегда трансформировался бы в сверхновую только от одной скуки.

Яхве поднялся с камня, на котором сидел, и сердито бросил кусок черного базальта в воду раскинувшегося перед ним тихого озера с черной непрозрачной водой. Раздался громкий всплеск, и из воды высунулась голова гидры. Чудовище сердито погрозило богу чешуйчатой лапой и снова нырнуло.

– Вот видишь, как оно в мире все несправедливо. У тебя плохое настроение, а пострадала ни в чем не повинная амфибия, – усмехнулся Самаил.

Яхве отмахнулся.

– Ты прав, Сам, но мне от этого не легче. Я не могу без Лилит, и мысль, что только когда-нибудь, в необозримом будущем она подарит мне благосклонность, меня совершенно не греет. Я, как, впрочем, и мы все, бессмертные, вовсе не наделен вечным терпением. И после того, как она четко дала понять, что предпочитает Зевса, мне больше всего хочется пойти и размозжить тому голову, а ее взять силой.

Самаил, раздумывая, поглядел на Яхве.

– Если ты до такой степени не можешь справиться со своими страстями, то и не сдерживайся. Вызови Зевса на поединок, хотя, учитывая наше бессмертие, одной дуэлью не обойдешься. Что же касается Лилит, – бог неожиданно засмеялся, – то я не могу исключить вероятность, что, возможно, тебе и удастся взять ее силой. Но после этого я на твое благополучное существование последние сокровища не поставил бы. Она мстительна. Да и нужно ведь тебе не это, а ее любовь. Ты хочешь владеть ее сердцем. А вместо этого только оскорбишь. Разгневанная Лилит, мой друг, будет для тебя страшнее Зевса. Ты тут просто выбитыми мозгами и, скажем, оторванным мужским достоинством не обойдешься. Сам начнешь искать, в какой бы красный карлик понезаметнее трансформироваться.

Яхве задумался над сказанным. А Самаил стоял рядом и разглядывал, как будто в первый раз, бесконечное черное небо, расцветенное звездами трансформированных богов. И не без сочувствия думал о том, что когда-то придет и их очередь восстанавливаться и тянуть ляжку телесности.

Яхве был во многом прав. Хотя боги, что греха таить, не так уж и мучились, но скука была тяжелейшей хронической болезнью мира бессмертных. От нее у них портился характер, и они часто погрязали во взаимных склоках, находя в них разнообразящие быт интриги и непред-

сказуемость. Но в условиях бесконечности даже их взаимная неприязнь постепенно сходилась на нет. Вечное существование, в конце концов, побеждало все, и любовь, и ненависть, и зависть. И если Яхве через тысячу лет и будет вспоминать, что потерял из-за Лилит голову, то только с недоумением. Впрочем, ради нее потерять голову было бы и не жалко. Самаил и сам когда-то любил ее, и она отвечала ему взаимностью. А потом они друг другу надоели.

Эти мысли мелькнули в голове Самаила, но говорить он ничего не стал. Сложно утешать бога, сетующего на вечную жизнь, сказками о ее долгосрочном всепримирающем эффекте.

Яхве тронул приятеля за руку.

– Знаешь, Сам, а ведь это так чудовищно, что жизнь нельзя прекратить. Вот представь себе, проломил бы я голову Зевсу, или он мне, и в результате кого-то из нас вообще не стало. Навсегда. Навечно.

Слова Яхве рассмешили Самаила.

– Существование прекратить нельзя. Трансформирование и обновление бесконечны. И что бы случилось, если бы твою мысль удалось реализовать? Мир вскоре бы опустел. Представляешь, какой бы это был для многих из нас соблазн навсегда избавиться от надоевших спутников этой скукотени.

Слова эти только подлили масла в огонь. Яхве зло пнул еще один базальтовый осколок и сжег его взглядом в пар.

– Не могу этого понять, – возмущенно заговорил он. – Меня можно рубить, резать на куски, жечь, топить в воде, но рано или поздно снова появится тот же самый Яхве, разве что разозленный. Ведь и муки богов, какие бы ни были ужасные, все равно не вечны. Даже если ты не хочешь их прекратить, они сами и так сойдут на нет. Это наказание какое-то.

Яхве посмотрел на Самаила, ожидая поддержки, а тот, поглядывая на приятеля, веселился все сильнее. Через такие кризисы регулярно проходил каждый из них. Кто чаще, кто реже. Они не улучшали характер богов, и после них каждый, как правило, выкидывал какой-нибудь фортель, чтобы развеять скуку и заглушить гнетущие мысли о собственной вечности. Похоже, у Яхве наступил такой период.

– Я даже не понимаю, зачем у нас рождаются дети. Для чего миру еще такие же несчастные?

Самаил с любопытством взглянул на него.

– А ты помнишь свое детство? Я, например, нет. Кстати, и детей среди нас не так уж много. Последние роды были тысячу двенадцать лет назад. Да и то это был каприз Афродиты, во что бы то ни стало решившей завести ребенка.

Вопрос о воспоминаниях детства неожиданно поставил Яхве в тупик. Он тоже ничего не помнил. Первое его воспоминание было о том, как уже достаточно взрослым он столкнулся с шалостью две планеты, и как они смешно разлетелись на куски.

Самаил пристально на него глядел, ожидая, что же он скажет, а потом довольно кивнул.

– Вот-вот. И ты ничего не помнишь, потому что, возможно, ребенком никогда не был. И не рождался.

Яхве непонимающе на него посмотрел.

– Что ты имеешь в виду?

– А то, что бесконечность не может иметь начала. Поэтому она и бесконечность. Значит, у тебя не может быть момента, который бы ты смог обозначить как день своего рождения. Ты, скорее всего, как и большинство из нас, результат минус-трансформации. Наверно, тебе еще о ней не рассказали, ты, по нашим меркам, для этого слишком молод. Самые старые из нас считают, что трансформация во взрывающуюся сверхновую звезду при последующем восстановлении меняет нашу память, стирая из нее часть предшествующего опыта, и обновленный бог начинает почти с чистого листа. И все «старики» пытаются под такой взрыв подгадать, хотя

это чрезвычайно непросто. Рожденные же боги, они все-таки не такие, как мы. Они созданы нами самими, из нашей плоти, и у них есть день рождения. Если хочешь, они подобны ангелам.

– А ангелы-то тут причем? – удивился Яхве.

Ангелы тоже были бессмертными созданиями, живущими среди богов. Их сотворил всем на голову плутоватый и вредный Вуду. Он был ужасный бабник и за вечность успел, мягко говоря, пофлиртовать со многими богинями. И почти со всеми поспорил. И тогда Вуду решил создать себе женщин на свой вкус, безотказных и прекрасных любовниц. И он их создал. Но по какой-то своей сексуальной прихоти наградил их крыльями, на которых почти невозможно было летать, хотя, несмотря на это, бог-шутник заставлял трясущихся от страха ангелиц выделять перед ним воздушные пируэты. Но и они ему тоже приелись. И эти несчастные остались брошенными на произвол судьбы. Более того, другие боги-мужчины ими, созданными для плотской любви, не интересовались. Они большей частью оказались консервативны и не испытывали восторга от наличия любовниц с крыльями. И стала назревать проблема, потому что ангелицы завели нудную привычку жаловаться на свою горькую судьбу и проклинать коварного Вуду. В конце концов, Аполлону это надоело, и он сотворил для них таких же нудных летающих балбесов-мужчин. Вопрос ко всеобщему удовлетворению был решен. Можно даже сказать, решен с выигрышем для всего мира, потому что ангелицы, запрограммированные служить прихотям Вуду, в благодарность Аполлону с удовольствием реализовали свою тягу к подчинению в роли прислужниц при других богах.

...Самаил с любопытством поглядывал на Яхве. Он не видел его довольно давно, с того памятного разговора. Ему не так уж хотелось вновь слушать сетования приятеля на холодность Лилит и ее успешно развивающийся роман с Зевсом. Однако Яхве выглядел на удивление бодрым и чем-то увлеченным.

– Ты помнишь наш последний разговор? – заинтересованно спросил он.

Самаил прикинулся дурачком и сделал вид, что не понимает, о чем речь. Он не хотел, чтобы Яхве решил, будто его переживания так уж чрезвычайно интересны, а то рассказам бы не было конца.

– Что ты имеешь в виду? – без излишнего любопытства спросил он, считая, что услышит продолжение истории про Лилит. Но он ошибся. Яхве заговорил о другом.

– Помнишь, ты рассказал мне, как Вуду сотворил ангелов? – спросил он.

Самаил удивился, но не показал виду.

– Возможно, и так, – уклончиво ответил он. – Мало ли, что я говорил. А ты тоже решил что-нибудь сотворить? Уж не Лилит ли? – съехидничал он.

Яхве уклончиво пожал плечами.

– Лилит уже существует и в дубликатах не нуждается. Я бы не знал, куда деться от насмешек бессмертного мира и ее самой, если б узнали, что я нахожу утешение с ее копией. Я придумал нечто получше.

Самаил приуныл. Еще одна знакомая история. Все они, бессмертные и всемогущие, когда от скуки, а когда от плохого настроения время от времени начинали созидать, давая волю своей фантазии, а потом забрасывали ими же самими созданное. Сколько их, странных предметов и не менее странных существ, прозябающих в бессмертной ненадобности. Одни стаи противно воющих бродячих сфинксов чего стоят. А кто придумал этих везде гадящих вонючих грифонов? Вот уж точно их творец был не в духе. Бессмертные регулярно собирались и решали, что всю эту пакость нужно во что-то трансформировать, но никто не хотел этим конкретно заниматься, опасаясь, что вместо одной пакости получится другая. В конце концов, эти создания не так уж и мешали, хотя и раздражали.

– Правда? – с фальшивым энтузиазмом поинтересовался Самаил. – Так давай показывай.

Но демонстрации на месте не состоялось. Яхве перенес их куда-то, на какую-то теплую планету, покрытую странной зеленой, но приятной с виду растительностью.

– Я создал целый мир и его обитателей, – сказал с гордостью Яхве.

– Да уж не поленился, – с изрядной долей скепсиса заметил, чтоб Яхве не слышал, Самаил. Создание настоящего самостоятельного, отделенного от основного, мира с обитателями – очень трудоемкая задача. Боги не любили таким заниматься, потому что нужно было вникать во все детали, иначе этот мир получался неестественным и нуждался в постоянном присмотре.

Самаил осмотрелся. Действительно, Яхве постарался от души. В странном подборе красок и преобладании зеленого цвета вкупе с голубым небом была своя тихая прелесть. По цветам и деревьям скользили какие-то существа. В небе порхало нечто, издающее приятный, немного грустный свист.

– Здорово, – искренне сказал Самаил. – Ты собираешься здесь немного пожить? Я, пожалуй, тоже присоединюсь к тебе. Хочешь, притащу девчонок. Знаешь, Афродита всегда безотказна и страстна. Только болтает много. Но ведь можно ее и не слушать.

Яхве отрицательно покачал головой.

– Нет, этот мир будет принадлежать другим. Может, более счастливым, чем мы, – Яхве мечтательно поднял глаза к небу. – Я заселю его новым видом существ, людьми. Они будут такие же, как мы, только лучше.

Самаил с иронией посмотрел на него.

– Что значит «лучше»? Лучше – это сравнительная степень. А что плохого в нас?

Яхве перевел глаза на Самаила. Мечтательное выражение в них исчезло, на лице проявилось какое-то чуточку болезненное возбуждение.

– Сам! Как ты не понимаешь? Мы, боги, – тупиковая ветвь бессмертного мира. В нашей жизни нет прелести новизны. Все уже было и все снова повторяется. Даже любовь и неприязнь перестали для нас быть стимулами, придающими интерес существованию. Поэтому мы так мечтаем о минус-трансформации, стирающей предшествующий опыт. Но она, к сожалению, очень избирательна и редка и убирает только отдельные пласты памяти.

– И что же ты придумал? – с искренним любопытством спросил Самаил.

– Пойдем, я что-то тебе покажу, – таинственно произнес Яхве.

Они зашли в глубь леса, где посреди небольшой полянки была выкопана яма, из которой доносилось жуткое зловоние.

Самаил брезгливо жажал нос пальцами, а Яхве, наоборот, как будто получал удовольствие.

– Это что у тебя? Сортир для грифонов?

– Нет, это запах разложения. Так пахнет смерть, – гордо ответил Яхве. Он подвел сопротивляющегося Самаила к краю ямы и показал пальцем на ее содержимое. Там на дне валялись части тел каких-то существ. В них копошились черви. Над этой малоаппетитной кучей кружились мелкие жужжащие крылатые существа.

– Смерть? – удивленно переспросил Самаил. – Это что еще такое? Даже из-за запаха я бы, в отличие от тебя, не шибко гордился таким произведением.

– Сам! Не считай меня глупее, чем я есть, – не без желчи парировал Яхве. – Выслушай меня и, наверно, поймешь. – Яхве не удержался и тоже скривил нос. – Давай-ка, на самом деле, отойдем в сторону и где-нибудь сядем. Я все тебе объясню.

Они расположились под каким-то деревом с ароматно пахнущими цветами, но заинтригованный Самаил отказался просто сидеть на корнях и сотворил им обоим удобное ложе.

Яхве блаженно откинулся на спину.

– Попытайся, Сам, – начал он, – на секунду забыть о вечном мире и его законах. Представь себе другой мир, где ты со временем распадаешься и исчезаешь без остатка. И уже нико-

гда не сможешь быть снова прежним Самаилом. Твое существование прекратится. Тебя не будет. Подумай. Разве это не прекрасно? Ты появился, выполнил свое предназначение и ушел. Чтобы тебе на смену пришли другие. Может, лучше, может, хуже, но другие. Представляешь, какой бы начался триумф жизни! Но для этого мне понадобилось научиться эту жизнь уничтожать, и я придумал то, что назвал смертью.

– погоди, – с интересом перебил Самаил. – Что-то не совсем сходится. Даже если я от скуки трансформируюсь в камень, то и в этой ипостаси буду помнить, что я Самаил. И как бы ты не старался уничтожить мое физическое тело, мое бестелесное «я» все равно останется. Да и вообще не понимаю, как можно избежать спонтанного восстановления разрушенных тобой тел, а значит, возвращения к прежнему состоянию.

– Зато знаю я, – с гордыми нотками в голосе заявил Яхве. – И уже создал смертный мир животных и растений. Мир, построенный на борьбе за существование. Мир, где выживание одного является следствием смерти другого. Мир, где побеждает сильнейший и где будет править новая раса богоподобных существ. Но смертных. И хотя жизнь в этом мире будет не простой, она не будет скучной.

– И править этой новой расой существ будешь ты, – не без иронии произнес Самаил. – И самолично решать, кому сколько и как жить. Ах, Хова, Хова. Тебе просто захотелось абсолютной власти. Признайся. Тебе только не хватало для этого рычага. Сам же жаловался, что бессмертие выхолащивает всевластие. И решил завести себе толпу игрушек, напуганных брэнностью существования. Чтобы они верно тебе служили в надежде изменить неумолимый рок.

Яхве смутился, услышав речь друга.

– Да нет. Они будут независимы и самостоятельны в своих действиях. А срок их существования будет ограничен для того, чтобы не было возможности откладывать решения на потом. Их жизнь будет хотя и не вечной, но динамичной. Впрочем... – Яхве смешался еще сильнее, – некоторое почтение к высшей силе я собирался в них вложить. Должен быть кто-то, к кому они прислушаются и кто предостережет их от фатальных ошибок. Жизнь ведь им дается только один раз.

Самаил с сомнением пожал плечами.

– Может, твоя занимательная идея и безобидна, но, по мне, лучше бы себе сделал копию Лилит.

Друзья в тот день не то чтобы поссорились, но в отношениях между ними пробежал холодок. Хотя особенного значения они этому не придали.

Самаил не захотел остаться погостить на планете и понаблюдать, как в реальности ведется борьба за существование, а Яхве втайне этому только обрадовался. Он собирался заняться самой важной частью своей задумки, сотворением людей. И почему-то ему не хотелось, чтобы Самаил был этому свидетель.

Мужчину было сделать просто. Яхве давно решил, что сделает его похожим, хотя и не копией, на известного красавца среди богов – Аполло. И он сотворил красивого юношу.

– Кто ты? – были первые слова того.

– Твой отец, – чуть поколебавшись, ответил Яхве. – Я тот, кто тебя создал.

– Как тебя зовут? – заинтересованно спросил человек.

– Хова, – сказал Яхве, почему-то назвавшись дружеским прозвищем, под которым был известен в вечном мире.

– А как зовут меня? – спросил юноша.

Яхве задумался. Ему показалось очень важным правильно назвать первого человека, и он сказал:

– Ты будешь Адамом, потому что смертен.

– Смертен? А что это значит? – с любопытством спросил Адам.

Яхве хотел было подробно ответить, но понял, что только зря потратит время. Человек не знал ничего ни о вечном существовании, ни о существовании как таковом вообще. Как же объяснить ему, что такое смерть?

– Ты узнаешь об этом позже. А пока лучше посмотри, что я буду делать дальше. Для тебя, кстати, стараюсь. Ты еще это не почувствовал, но скоро поймешь, что тебе в жизни чего-то не хватает, так что я создам тебе подругу, женщину.

– Женщину? – спросил Адам. Он с непривычки устал от разговора с тем, кто называл себя отцом и создателем, и проголодался, а потому невольно спросил:

– А ее можно есть?

Яхве рассмеялся и сорвал с ближайшего дерева какой-то плод.

– На, перекуси. А женщин есть нельзя. Лучше поберегись, чтоб она тебя не съела.

Адам испуганно посмотрел на бога, а тот сам на себя рассердился. Разве можно было шутить с этим невинным и абсолютно невежественным взрослым ребенком?

– Забудь, что я сказал, – чуть резковато проронил Яхве. – Она тебя не съест.

То ли от недовольства собой, то ли по какой-то другой неизвестной причине Яхве отвлекся, создавая женщину, и, поддавшись подсознательному импульсу, сотворил ее почти точной копией Лилит.

– Лилит, – невольно прошептал пораженный бог, увидев перед собой прекрасную обнаженную женщину. Но Адам его услышал.

– Ее зовут Лилит? – спросил он, внимательно ее разглядывая. Вид ее тела вызывал в нем какое-то странное непонятное ему томление. Хотя, по-честному, все пока казалось ему странным.

Бог проклинал себя. Только этого ему и не хватало. Так вроде здорово придумал, чтобы уйти от всего, что огорчало его в вечном мире. И на тебе. Сотворил на свою голову вторую Лилит. Вот бы посмеялся, увидев это, Самаил. Он даже хотел ее тут же разрушить, но что-то не позволило ему поднять руку на это прекрасное творение.

А женщина гордо и независимо смотрела на мужчин. Один, золотоволосый, выглядел чуть старше и был внизу обмотан какой-то тканью, другой, чернявый, был помоложе и, как она, гол. Она с любопытством их разглядывала. Ее позабавило строение мужских тел, и она подумала, что эта штука, наверно, мешает при ходьбе. И, скорее всего, для поддержки и крепления тот, кто постарше, примотал ее куском материи. Ничего не скажешь, остроумно. Тот, кто помоложе, честно говоря, понравился ей больше. Ее только смущал его сверлящий и голодный взгляд. Да и старший как-то странно на нее посматривал. В глубине души мелькнул страх. Может, их надо бояться?

– Что уставились, незнакомцы? – как будто пробуя слова наощупь, произнесла Лилит.

Молодой в ответ глупо на нее посмотрел, а старший сглотнул слюну и, похоже, смутился.

– Я твой отец и создатель, – сказал бог, но это не получилось у него так же величественно и многозначительно, как в аналогичной ситуации с Адамом.

– А это – твой муж и повелитель Адам, – со странной неуверенностью продолжал Яхве, указывая на первого смертного.

– И из чего же ты меня создал? – не без иронии спросила Лилит.

Бог растерялся. Вот незадача. Как же этим новорожденным дуракам объяснить, из чего он их создал? Яхве огляделся. Невдалеке бежал маленький ручеек с глинистыми берегами.

– Из глины, – с облегчением вздохнув, ответил Яхве.

Лилит удивленно на него посмотрела. Она провела рукой по своей нежной золотистой коже и подумала, что между ней и серой землей нет ничего общего. Но что такое ложь, она не знала и опровергнуть бога не могла.

На радость Яхве внимание людей отвлекло маленькое ушастое существо, которое, не обращая на их группу никакого внимания, стало неподалеку увлеченно жевать какие-то корешки.

– Что это такое? – спросил Адам.

– Какой-то зверь, – отмахнулся бог, и тут его осенило, чем можно занять парочку его подопечных и тем самым избежать неминуемых расспросов.

– Это зверь, каких здесь много. И все они появились, как и вы, люди, но немного раньше, сотворенные моей волей, – величественно произнес Яхве. – Я создал их для того, чтобы правили ими вы, люди, если сумеете доказать, что достойны властвовать над этим миром.

Адам вытаращил глаза.

– Так властвовать значит править? – дурашливо спросил он. И тут же крикнул существу:

– Эй ты, подойди сюда.

Зверек повернулся на звук голоса и равнодушно оглядел стоящие поблизости шумные и непонятные создания. А потом, догрызая какую-то веточку, подальше от греха поскакал в сторону леса.

– Эй, куда? – обиженно прокричал ему Адам и тут же пожаловался Яхве. – Отец! Он не слушается.

Яхве поморщился. Ему совершенно не понравилось, что человек назвал его отцом.

– Не зови меня больше так, – сказал он.

Адам удивился.

– Но ты же сам сказал, что ты отец. И вот этой тоже. Как ее? Лилит, – мужчина показал на скучающую женщину.

– И тем не менее не смей меня больше так называть, – строго и категорично произнес бог.

– А как? – в голос спросили люди.

– Зовите меня Саваоф, что на древнем, забытом языке означает Мудрый, – величественно проговорил Яхве.

– Хорошо, – кивнул Адам. – Пусть будет Саваоф. Но знай, хоть ты и создал меня властвовать, твой зверек и не подумал меня послушаться.

Яхве вскипел в притворном возмущении, и люди с перепугу даже присели.

– Да как ты смеешь вообще жаловаться? Ты! Плевок грифона! Как это существо может тебе подчиняться, если ты даже не знаешь, кто оно, – бог с издевкой помахал пальцем перед носом человека. – А хочешь, попробуй крикни вот тому, летающему в небе, и попроси спуститься. Посмотрим, что из этого получится.

– Так откуда же мне знать, кто он? – начал оправдываться Адам. – Я и себя-то толком не знаю.

– Вот это уже другая речь, – помягче продолжал Яхве. – Истинное величие начинается с понимания собственной ничтожности. А потому открою тебе тайну. Никто не знает, что это за существо. Ни это, ни все другие. А поэтому, пока их сущность остается неясной, они свободны и никому не подчиняются.

– А как же ее сделать ясной? – заинтересованно спросил Адам.

– Назови их. Имена придают сущность окружающему, – доверительно сказал бог. – Скажи, как бы ты назвал того ушастого зверька?

Адам задумался, но неожиданно в разговор вступила Лилит.

– Да что тут думать, – усмехнулась она. – Видно же, что это заяц.

– Почему «заяц»? – удивился бог.

– Как почему? – недоуменно переспросила Лилит. – Погляди сам. Длинные ушки, короткий хвостик, серая шерстка, жует травку. Заяц – он заяц и есть.

– И правда, похож на «заяца», – подтвердил Адам.

Яхве хотел было рассердиться, но сдержался, а в это время Адам снова заорал что есть мочи.

– Заяц! Немедленно иди ко мне.

И снова никто на его зов не откликнулся, а бог криво улыбнулся.

– Ты снова торопишься, сын мой. Задумайся, и сам поймешь, как это несправедливо, что только одно существо обрело сущность и приняло твое право власти над ним. Безымянных созданий еще ой как много, и надо назвать всех их. Дай им их сущность, и тогда властвуй, сколько хочешь

Адам хотел что-то ответить, но снова влезла Лилит.

– О, великий и мудрый Саваоф, – нараспев произнесла она. – Прости, что я прерываю ваш важный разговор, но не скажешь ли ты мне, как на древнем забытом языке звучит «я хочу есть».

Яхве выругался. Он подвел пару к одному из деревьев и показал на висящие плоды.

– Можете есть их, и вообще все другие плоды, которыми питаются другие существа. Это утолит голод.

Лилит тут же попросила Адама залезть на дерево и достать ей плод покрупнее и помясистее, тот радостно согласился и не очень умело начал карабкаться наверх, обдирая свою голую кожу.

Яхве под предлогом, что людям надо отдохнуть и поесть, оставил их, обещая вернуться попозже. Эта парочка начала ему надоедать.

Когда он вернулся, то еще издали услышал, как Лилит выговаривает Адаму.

– Как ты можешь быть таким тупым, – говорила она. – Что толку, если ты придумываешь названия существам и тут же их забываешь. Вот скажи, как мы называли этого с рогами?

Адам хотел было ответить, но растерянно задумался. Он помнил, что до него был бегемот. Просто слово было смешным и запомнилось. А как же действительно они называли того, рогатого?

– Олень, болван, – колюче сказала Лилит, видя, что тот оказался в затруднении. – Вот смотри, – продолжила она и нарисовала на земле значок «#». – Это будет олень. Может, так будет легче запомнить. В этом мире, похоже, водится много зверей, а если мы их пометим какими-нибудь знаками, то, даже не видя их, сможем вспомнить и понять, о ком речь.

Адам с сомнением поглядел на женщину.

– А какое отношение имеет эта каракуля к оленю? – спросил он.

– Да никакого, и ни для кого, кроме нас с тобой, она ничего не значит, – раздраженно ответила Лилит. – Но представь: я пошла погулять, встретила оленя и захотела тебе об этом сообщить. А ты был в другом месте. И я нарисовала этот значок. Присмотрись получше, и увидишь, что его закорючки похожи на рога. И ты поймешь, что в этом месте была Лилит и видела оленя.

– А зачем мне знать, что ты видела оленя? – простодушно спросил Адам.

Яхве еще издали заметил, как прекрасное лицо Лилит начинает заливать краска раздражения, и поспешил на помощь мужчине. Он слышал часть их разговора и не мог не признать, что женщина выглядела сообразительнее и оборотистее его первенца. Он ласково положил руку на плечо Лилит, желая предотвратить вспышку, и тут же, как от удара током, отдернул руку. Ее кожа была так тепла и бархатиста.

Лицо Лилит, увидевшей Яхве, прояснилось.

– Ну, хоть ты, Саваоф, объясни этому тупице, что в названиях должен быть порядок, и их нужно сохранить и запомнить, иначе все снова запутается.

Яхве кивнул и отеческим тоном обратился к Адаму:

– Она права, сын мой. В этом мире, давайте назовем его Эдем, живет бесчисленное множество безымянных существ. И всех запомнить не под силу даже мне. А то, что придумала Лилит, разумно и своевременно.

Лилит довольно зарделась и благодарно посмотрела на бога.

Яхве никогда бы в этом не сознался, но ее благодарность была ему приятна. Он снова кивнул и продолжил, обращаясь к Адаму:

– Тебе действительно пока нет никакого дела до того, видела Лилит оленя или нет, хотя, не исключаю, что со временем тебе станет интересно, где она и что с ней. Но попробуй представить. Лилит нашла дерево с бананами. Так ведь вы назвали плоды, которые ели?

Люди кивнули.

– И оставила на земле значок «&», – и бог нарисовал закорючку. – И тогда ты тоже сможешь узнать, что в этом месте есть бананы, и ими полакомиться.

Адам задумался и, поколебавшись, кивнул.

– И вообще вам еще много надо будет узнать об этом мире, чтобы стать его полноценной частью, – не без облегчения закончил бог.

В это время появилось желтое, клыкастое, могучее существо с длинной гривой. Его сопровождало другое похожее, но немного поменьше.

– Лев! Лев! Запомни, Адам. Это – лев! – радостно закричала Лилит. – А это, наверно, его женщина.

Бог кивнул.

– Да. Это его женская половина. Самка.

Лев испустил страшный рык, который однако совершенно не напугал львицу. Она лишь краем глаза подбадривающе на него посмотрела. Лев не без опаски потерся гривой о бок самки. Та никак не реагировала, а только выжидающе поглядывала. Лев довольно и негромко зарычал и потерся снова. Львица тоже сделала головой мимолетное ласкающее движение по гриве самца. Тот осторожно обошел львицу сзади, оседлал ее и возбужденно задвигал нижней частью своего тела.

– Что они делают? – удивилась Лилит.

Бог рассмеялся.

– В них говорит зов природы. Самец обладает самкой, подчиняясь инстинкту продолжение рода.

– А что такое – продолжение рода? – заинтересованно спросил Адам.

– Все существа в Эдеме смертны, а значит, умирая со временем, исчезают. И чтобы жизнь не прекратилась, все живое должно воспроизводиться, рождая себе подобных. Вот для этого и слился лев в соитии со львицей, чтобы та родила ему маленького львенка, продолжателя их рода.

– Но если мне суждено бесследно исчезнуть, то какое мне дело, останется после меня кто-то другой или нет, если это не я сам? – резонно спросил Адам.

Бог задумался. Вопрос Адама был не прост. И точного ответа не знал и сам Яхве. Точнее, знал, но вряд ли он понравился бы людям. Все живые существа должны были размножаться, потому что он их такими сотворил. Но Адаму и внимательно слушавшей Лилит бог сказал другое.

– Все живые существа воспроизводят себя по той причине, что их потомки, сохраняя черты родителей, таким образом продлевают жизнь своих предшественников. Ведь даже я, хотя мне и не понадобилась для этого пара, сотворил вас подобными мне самому, хотя во многом и не похожими. И вы тоже, по крайней мере отчасти, Саваофы.

Лилит и Адам переглянулись.

– А кроме того, в соитии кроется много еще пока вам неизвестных сладких тайн, – многозначительно добавил Яхве.

Бог хотел продолжить объяснение, но внезапно раздался треск раздвигаемых зарослей, и на поляну выскочил какой-то пока безымянный зверек, за которым гналось нечто лохматое покрупнее с большими клыками.

– Смотрите, а это существо не хочет соития, – радостно захлопала в ладоши Лилит.

В это время зверь покрупнее прыгнул и толчком сбил с ног напуганного зверька. Тот попытался вскочить и убежать, но не успел. Хищник вцепился ему клыками в шею. Закапала кровь, и, подергавшись с минуту, несчастное животное затихло. Убийца тут же его выпустил и, как ни в чем ни бывало, стал отряхиваться, а потом снова вцепился в заднюю часть своей жертвы и начал рвать ее на куски. Он, урча, жадно жевал, время от времени угрожающе поднимая вымазанную кровью морду, выглядывая, не хочет ли еще кто-то покуситься на его добычу.

– Что здесь произошло, Саваоф? – без страха, но с оттенком брезгливости спросила Лилит.

Придется объяснять им и это, подумал бог.

– Давайте лучше вначале назовем этих тварей. Вы ведь их раньше не встречали, – изда-лека начал он.

Адам не выказал большого энтузиазма и обратился к Лилит:

– Придумывай ты, женщина. У тебя это лучше получается.

– Ну, маленький и неуклюжий пусть будет, наверно, суслик, а побольше – шакал, – гордая собой, сказала она.

Бог удовлетворенно склонил голову.

– Так вот, дети мои. Шакал убил, то есть лишил жизни суслика, чтобы его съесть. Многие существа, чтобы жить, должны убивать других, потому что иначе сами погибли бы. Именно так мною устроен этот мир. И жизнь в нем – это, если хотите, постоянный бег от смерти. Вы тоже должны быть осторожны, потому что и сами можете быть съеденными кем-то покрупнее и посильнее вас.

Люди явно перепугались.

– Но не бойтесь, – продолжал бог. – Вас пока никто не тронет, вы со мной. А кроме того, я научу, как быть сильнее других.

– А нам тоже можно есть других животных? – поинтересовался снова проголодавшийся Адам.

Яхве не знал, что ответить, хотя никаких препятствий этому не видел. Плотоядность человека вполне подошла бы условиям мира, построенном на борьбе за существование. Его смущало другое. Мнение других богов. Он ведь не мог совершенно изолировать Эдем от вечного мира, и какой-нибудь скучающий бог запросто мог ненароком заглянуть на планету. И что бы он подумал, застав на ней богоподобные создания с физиономиями, вымазанными кровью сжираемых зверей? Сами-то боги питались амброзией, да и вообще культа из еды не делали.

И Яхве думал, как ему выпутаться из этой ситуации.

– Конечно, вы, если хотите, можете есть других животных, – начал он. – Но при этом все-таки не должны забывать, что вы дети Саваофа, а не шакала или льва. Ваша животная пища должна быть обработана и приготовлена. Ничто не должно напоминать о том, что ради своего желудка вы лишили другое существо жизни. Поэтому я повелеваю всех убитых вами для пропитания зверей разрезать на части и обрабатывать огнем, чтобы отбить запах и цвет жизни.

Люди не отвечали, и вид их выражал недоумение. Наконец, Лилит спросила:

– Саваоф, а что такое огонь?

Яхве снова мысленно выругался. Сам-то он мог подпалить всю эту эдемовскую рощу одним взглядом, но люди такой возможности не имели. Надо было придумать выход из положения.

Чтобы выиграть время, Яхве предложил Адаму и Лилит попробовать поймать какое-нибудь животное помельче, чтобы приготовить из него еду. Люди, обрадованно согласившись,

скрылись в зарослях и не обратили внимание, насколько озадаченным выглядел их создатель. Тому нужно было научить этих лишенных божественной силы людей добывать огонь. Это было вовсе не так просто, как, скажем, вызвать молнию. Осмотревшись, он подобрал подходящий осколок базальта и стукнул что есть силы им о другой, чуть не отбив себе при этом палец. К его радости, ему удалось высечь искру. Потренировавшись и даже вспотев, Яхве все-таки научился, как правильно и с какой силой бить, чтобы под определенным углом вылетала искра и поджигала пучок сухой травы. Гордый собой, он с удовольствием попробовал какой-то плод и присел в ожидании Адама и Лилит. Честно говоря, он не верил, что им удастся кого-нибудь поймать, люди были чересчур неловки, но, к его удивлению, вскоре он увидел их и небольшое существо, которое жалобно бляло на руках Адама.

– Смотри, Саваоф, кого мы поймали, – радостно закричала Лилит. – Вначале нам не везло. А потом мы нашли какое-то животное, Адам назвал его козой, и с ним другое, маленькое, наверно, такое, какое появляется после соития. И я назвала его ягненком.

– Козленком, – сердито поправил Адам.

– Нет, ягненком, – ответила Лилит и показала Адаму язык.

– А я говорю, козленком, – раздраженно произнес мужчина. – И вообще его поймал я, а не ты.

– И ничего ты его не ловил, – сварливо ответила Лилит. – Тоже мне герой. Коза просто испугалась и убежала, а ягненок остался и не сопротивлялся, когда ты взял его на руки.

– Козленок, – с безнадежностью в голосе поправил Адам.

Бог, которому успела надоесть перепалка, поднял вверх руку.

– Как бы вы его ни называли, но поймали вы его не для того, чтобы спорить.

Люди удивленно повскидывали головы. Это маленькое приключение и новые впечатления отвлекли их от самой цели охоты.

– А для чего? – глупо спросил Адам.

– Ты же сам хотел есть, – рассердился бог.

– А-а, так мы будет его есть. Он такой мягонький, теплый и смешной. Наверно, вкусный, – обрадовалась Лилит. – А как его едят?

Она было вцепилась зубами в шерстку, но тут же выплюнула.

– Фу, какая гадость, – брезгливо сказала она, а козленок снова жалобно заблял и начал вырываться из рук Адама.

– Так ты его не съешь, – сказал бог. – Его нужно вначале убить, затем разделать тушку, обработать ее на огне и только потом есть.

– Ага, значит, нужно вцепиться ему в шею и ждать, пока он перестанет дрыгаться, – поняливо подхватила Лилит, вспомнив, как шакал убивал суслика.

Яхве с сомнением покачал головой.

– Нет, человеческие зубы плохо для этого подходят. Видимо, мне придется для вас что-нибудь придумать взамен.

– Так как же мы его уьем? – по-деловому спросил снова проголодавшийся Адам.

Бог на миг растерялся. А в самом деле, как?

– Я думаю, при вашем отсутствии опыта и каких-либо орудий единственная возможность – это разбить его голову камнем.

– И он умрет? Он не сможет жить без головы? – продолжала любознательно выяснять Лилит.

– Тела смертных, – важно ответил бог, – хрупки. И хотя вы вряд ли умрете от небольшой царапины, любое другое, более глубокое проникновение в глубь может привести к смерти от повреждения важных органов, например, таких, как мозг, находящийся в голове.

Люди пропустили мимо ушей большую часть этой длинной фразы, хотя то, что нужно бить по голове, поняли.

– Этот камень подойдет? – по-деловому спросил Адам, подняв с земли увесистый булыжник.

Яхве кивнул. Адам не очень ловко придавил козленка к земле и ударил его по голове. Тот душераздирающе взвизгнул, а напуганный криком Адам вопросительно взглянул на бога.

– Бей снова, – сказал Яхве. – Ты его не убил, а только ранил.

Адам скривился и, желая поскорее прекратить это, стал ожесточенно наносить бедному животному удар за ударом. Наконец, оно затихло, а бог отдал себе отчет, что никакого толку от этого людям без его помощи не будет. Как и чем разделявать животное, и что в нем есть, не знал никто, включая Саваофа премудрого.

Бог незаметно сотворил рыцарский кинжал, используемый в поединках, и, не говоря ни слова, начал неуклюже снимать с убитого козленка шкуру. Лилит подозрительно поглядела на появившиеся и разбросанные кругом окровавленные кусочки.

– Это можно есть? – с сомнением спросила она.

Яхве отрицательно покачал головой. Ему пришло в голову, что, если уж он начал усложнять прием пищи людьми, то следовало бы это делать по определенным правилам. Пускай даже в мелочах почувствуют свою исключительность, отличие от других существ. Пусть помнят, что они избранные, а не такие, как остальная плотоядная живность. Подумав, он указал на мясо, объяснив, что именно его должны есть люди.

– А остальное? Здесь же так много, – с недоумением произнес Адам.

Бог неопределенно пожал плечами. Врать, что это несъедобно, ему не хотелось.

– Можете и остальное, если понравится вкус или никакой другой еды не останется. Но знайте, что тогда ничуть не будете отличаться от того же шакала, который сжирает все, кроме шкуры. Не забывайте, вы предназначены быть выше животных, а не такими же, как они.

Наконец, козленок был разделан, и уже ничто не напоминало о прежнем милом, весело скачущем и беспечном существе, ненароком повавшемся человеку. Яхве показал, как разводить огонь, и после нескольких неудачных попыток в небо Эдема взвился дымок первого костра. Нанизав на прут кусок мяса, Яхве подержал его над огнем. Оно, к удивлению, поменяло цвет на коричневатый и запахло чем-то странным, отдающим дымом, но приятным. Лилит удостоилась чести первой попробовать жареный продукт. Выражение предвкушения чего-то необыкновенного сменилось на ее лице если не брезгливой, то довольно кислой гримасой.

– Съедобно, – вежливо сказала она. – Но банан вкуснее.

Яхве, скрывая удивившую его самого обиду, пожал плечами.

– Ко всему надо привыкнуть, – философски заметил он. – Дичь в Эдеме есть всегда, а твои бананы могут оказаться и незрелыми, и несъедобными.

Адам был меньше склонен к гастрономическим рассуждениям. По примеру Саваофа он тоже нанизал мясо на прут и сам стал готовить себе еду. Подождав, пока оно приняло такой же коричневатый вид, он жадно откусил и тут же с криком выплюнул. Горячее мясо обожгло ему рот. Яхве, сдерживая смех, как мог его успокоил и предложил повторить попытку. Уже без особого желания и с опаской Адам откусил снова, ожидая боли, но ничего такого не произошло. Он потихоньку, а потом все быстрее начал жевать и, наконец, удовлетворенно кивнул.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.